

присвоил себе открытие Бомарше и представил его Академии. Но Бомарше опубликовал в газете "Меркюр де Франс" опровергающее Лепота письмо, и 16 февраля 1753 года Академия объявила, что создателем механизма часового спуска является Бомарше. Лепот уступил свое место Бомарше, и Бомарше вошел в Версаль ко двору короля Людовика XV.

Он был контролером королевской трапезы, королевским секретарем, музыкантом при дворе, судьей по браконьерским делам в королевских угодьях, политиком, лесником (приобретя 960 га леса, где прокладывал дороги, возводил шлюзы), компаньоном крупнейшего банкира Франции Пари-Дюверне.

С 1783 года Бомарше участвовал в первых аэростатических опытах, финансируя тех, кто летал на воздушных шарах, и учредил с этой целью исследовательское бюро.

К его мнению прислушивались короли и министры Англии, Испании и Франции.

Решив организовать помощь американцам в войне с англичанами, Людовик XVI (читай: Франция) получил Бомарше действовать от имени Франции, и Бомарше основал торговую фирму, приобрел морские суда, чтобы снабжать повстанцев оружием. Можно сказать, что США выиграли борьбу за независимость с помощью французского оружия и снаряжения, лишь на 1/10 оплаченного французским правительством Людовика XVI, а на 9/10 — лично Бомарше.

Бомарше впервые издал два полных собрания сочинений Вольтера, две трети произведений которого тогда во Франции находились под запретом (собрания из 70 и 92 томов — первый том вышел в 1783 году, 162-й — в 1790).

Он учредил общество драматургов. Национальная ассамблея 13 января 1791 года по предложению Бомарше признала авторское право на литературные произведения.

Перу Бомарше принадлежат "Мемуары" (1773-74), комедии "Севильский цирюльник", "Женитьба Фигаро", "Преступная мать", драмы "Евгения", "Два друга".

Когда Людовик XVI прочел в 1782 году рукопись "Женитьбы", он сказал: "Если быть последовательным, то, чтобы допустить постановку этой пьесы, нужно разрушить Бастилию. Этот человек глумится над всем, что должно уважаться в государстве". Год спустя после запрета Бомарше публично заявил: "Он не желает, чтобы ее поставили, а я говорю, что ее поставят и будут играть, хоть в Нотр-Дам".

И в 1784 году "Женитьба" была поставлена. Такого триумфа тогда еще не знали — чуть ли не каждую реплику зал встречал аплодисментами, спектакль шел около 5 часов, пьесу играли 68 раз подряд.

А 14 июля 1789 года Бомарше из своего дворца — 200 окон по фасаду — наблюдал за взятием Бастилии. Два года спустя он напишет: "Желая выпрямить наше дерево, мы согнули его в другую сторону".

С музыкой Бомарше был связан с детства. Поразителен договор из 6 пунктов, заключенный между отцом и 14-летним сыном. Особенно интересен пункт 4: "Вы полностью прекратите ваши злосчастные занятия музыкой и,

главное, общение с молодыми людьми, этого я совершенно не потерплю. То и другое вас погубило. Однако из снисхождения к вашей слабости я разрешаю вам играть на виоле и флейте при непрременном условии, что вы воспользуетесь моим дозволением лишь после ужина по будним дням и никоим образом не в рабочие часы, причем ваша игра не должна мешать отдыху соседей или моему".

Музыка пригостила в Версале: Бомарше был учителем и дирижером у Бурбонов. Он сочинял и играл на виоле, варгане, флейте, тамбурине. Изобрел педаль для арфы, которой пользуются и по сию пору.

Бомарше написал либретто "Тарара", предложил Глюку, но он порекомендовал ему обратиться к своему лучшему ученику — итальянцу Сальери. Премьера оперы состоялась в 1787 году.

В предисловии к "Севильскому цирюльнику", который изначально был написан Бомарше как комическая опера, он изложил свою концепцию театральной музыки вообще и оперной в частности: "Я всегда любил музыку, любил всерьез и никогда ей не изменял, и все же, когда я смотрю пьесы, меня особенно увлекают, я часто ловлю себя на том, что пожимаю плечами и невольно шепчу в сердцах: "Ах, музыка, музыка! к чему эти вечные повторы? Разве ты и не так слишком замедлена? Вместо живости развития темы — переливание из пустого в порожнее. Вместо того, чтобы изображать страсть, ты цепляешься за слова текста! Поэт бьется над тем, чтобы выразить событие более сжато, а ты его растягиваешь! Зачем ему стремиться к предельной выразительности и скупости языка, если никому не нужные трели сводят на нет все его усилия? Раз ты так бесплодно плодовита, то и живи своими песнями, и да будут они единственной твоей пищей, пока не познаешь бурного и возвышенного языка страстей".

"Человек, веселый и даже добродушный, я не знал счета врагам, хотя никогда не вставал никому поперек пути, никого не отталкивал. По здравом размышлении я нашел причину такого недружелюбия; это и в самом деле было неизбежно.

С дней моей безумной юности я играл на всевозможных инструментах; но ни к какому цеху музыкантов не принадлежал, и люди искусства меня не навидели.

Я изобрел несколько отличных механизмов; но не входил ни в какой цех механиков, и профессионалы злословили на мой счет.

Я писал стихи, песни; но кто бы счел меня поэтом? Я ведь был сыном часовщика.

Не увлекаясь игрой в лото, я писал театральные пьесы; но про меня говорили: "Куда он суется? Это же не писатель — он ведь крупный делец и неутомимый предприниматель".

Не найдя никого, кто пожелал бы меня защищать, я опубликовал пространные мемуары, чтобы выиграть затеянный против меня процесс, который можно было назвать чудовищным; но люди говорили: "Вы же видите, это ничуть не похоже на записки, составляемые нашими адвокатами. С ними не умрешь со скуки; и разве можно терпеть, чтобы этот человек доказал правоту без нашей помощи?"

В борьбе со всеми властями я поднял уровень французского типографского искусства, великолепно издав Вольтера... но я не был печатником, и обо мне говорили черт знает что. Я запустил в ход одновременно прессы трех или четырех бумажных мануфактур, не будучи фабрикантом, — фабриканты и торговцы ополчились на меня.

Я вел крупную торговлю во всех концах света, но не объявил себя негодником. До сорока моих судов бывало одновременно в плавании — но я не значился арматором, и мне чинили пре-

пятствия в наших портах.

Моему военному кораблю, вооруженному 52 пушками, выпала честь сражаться вместе с кораблями его величества при взятии Гренады. Флотская гордыня не помешала тому, что капитан судна получил крест, другие офицеры — военные награды, но я, в ком видели втирушу, только потерял свою флотилию, которую конвоировал этот корабль.

Из всех французов, кто бы они ни были, я больше всего сделал для свободы Америки, породившей и нашу свободу, я один осмелился составить план действий и приступить к его осуществлению, вопреки противодействию Англии, Испании и даже самой Франции; но я не был в числе лиц, коим были поручены переговоры, я был чужой в министерских канцеляриях.

Прискучив жилищами, выстроившимися в однообразный ряд, садами, лишенными поэзии, я выстроил дом, о котором все говорят, но я — не человек искусства.

Так кем же я был? Никем, кроме как самим собой, тем, кем я и остался, человеком, который свободен в оковах, не унывает среди самых грозных опасностей, умеет устоять при любых грозах, одной рукой — вершит дела, другой — ведет войны, который ленив, как осел, и всегда трудится, отбивается от бесчисленных наветов, несчастлив в душе, который никогда не принадлежал ни к одному клану, ни к литературному, ни к политическому, ни к мистическому, который ни к кому не подолжался и потому всеми отвергаем".

Муз. обозрение, — 1992
БОМАРШЕ
февр. (№4) — с. 6
24 января 1732 года — 260 лет назад — родился Пьер-Огюстен Карон Бомарше.

Роман Гари писал о Бомарше: "Этот человек был соткан из молний. Молния гения и подлости, величия и ничтожества, мужества и хитроумия, сутенерства и великодушия; это был божественный наглец и благородный выскочка, акула и угорь, целая эпоха, целая Европа. Это был человек гуттаперчевый, но негибачей, смесь Растиньяка, Манон Леско, Арагона, Казановы, Калиостро; он сам — одно из великих литературных творений жизни".

Ничего не шло у Бомарше гладко, как по маслу, — он всегда преодолевал то цензуру, то судей, то королей, то министров, то разорения, шесть раз попадал в тюрьму — и всегда выходил победителем. Он не опустил головы перед Комитетом общественного спасения, решившим его обезглавить, — судить же Бомарше можно по законам его времени, а он все суды выиграл.

"Может ли жизненный путь быть полнее, чем мой, как в дурном, так и в хорошем? Если время измеряется событиями, его наполняющими, я прожил двести лет". "Радость не в наслаждении, но в погоне за ним!"

В 20 лет он был первым часовщиком Франции. До 1753 года часы шли с точностью примерно до получаса. Бомарше свел эти полчаса к нулю. В часах, которые мы носим на руке, есть "спуск" Бомарше — открытие, совершившее революцию в ремесле, насчитывающем уже пять столетий. Так случилось, что королевский часовщик Лепот